

Ирина Бугримова:

ВСЕ МОИ ЛЬВЫ

В издательстве «Искусство» готовится к печати книга «На арене и вокруг нее».

Это воспоминания известной дрессировщицы, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Ирины Бугримовой. Предлагаем вниманию читателей некоторые страницы рукописи.

Так это началось

Мы работали в Москве. И вот как-то вызвал нас к себе управляющий цирками Александр Данкман, уважаемый артистами человек.

— Мы закупили группу дрессированных леопардов и хотим предложить вам принять этот интересный аттракцион с хищниками. Представьте, женщина — укротительница леопардов! Такого у нас в цирке еще не бывало.

Замечу, что в 30-е годы даже мужских аттракционов с хищниками у нас были единицы.

Прошло года два-три с того памятного разговора в кабинете А. М. Данкмана, прежде чем у нас созрел более или менее точный замысел. Толчком к нему, между прочим, послужил висевший в кабинете управляющего плакат какого-то иностранного дрессировщика. На фоне голубого неба был изображен полный шар из серебряных прутьев. Внутри него на золотом мотоцикле мчался укротитель, а за ним, почти настигая, гнался тигр.

Мой партнер Буслаев был отличным мотоциклистом. Вот и явилась мысль попробовать создать нечто подобное.

От идеи конструировать шар вскоре отказались, слишком громоздким было бы это сооружение. Да и что можно было бы продемонстрировать в нем? А тут как раз появились и получили широкое распространение садоводничьи аттракционы «Мотогонки по вертикальной стене». Они и подсказали окончательную форму замысла.

В основном это была идея Буслаева: сконструировать круглую клетку, решетчатая стена которой могла бы служить в нужный момент мотоциклетным треком.

Так мы работали, твердо не зная, какие животные попадут к нам в руки и что вообще выйдет из этой затеи: леопарды, предложенные Данкманом, давным-давно отпала.

И вот во время гастролей в Кузбассе получили сообщение, что в одном из зверинцев есть для нас три львенка. Мы немедленно послали за ними нашего ассистента Павла Игнатову.

Это были три очаровательных существа, совсем крохи, четырехмесячные пушистые увалыны. К их прибытию была заготовлена решетка, туда мы их и вытряхнули из дорожного ящика. Перепуганные львята забились в дальний угол вольера, залезая друг к другу на спину. Я решила не трогать их, не беспокоить, дать основательно привыкнуть к новой обстановке, освоиться.

Через несколько дней львята стали брать кусочки мяса. Чуть позже я заметила, что один львенок скорее привыкает к человеку, нежели когда он в своей компании. Втроем они дичились

меня и Буслаева, искали защиты друг у друга.

Львят я назвала Каем, Юлием и Цезарем.

Мотоцикл — это не страшно

Словно оправдывая свое имя, Цезарь быстро стал выделяться среди братьев красотой, грацией, гордым характером, сообразительностью и смелостью. Он с удовольствием и быстро выполнял то, что я от него требовала.

С первых же дней я приступила к воспитанию львов. Сама кормила их, часами играла с ними, разговаривала, даже напевала им. Стремилась, чтобы они привыкли к моему голосу, к различным его интонациям, научились различать его эмоциональные оттенки. Ибо понимала, что доброта и ласковость должны сочетаться со строгой требовательностью, нельзя допускать панибратства. Понимала, что нужно во всем найти точное чувство меры — и в ласке, и в строгости. Чрезмерная ласковость привела бы к тому, что животное выросло бы избалованным, капризным и никуда не годным работником. А злоупотребление строгостью превратило бы льва в чрезвычайно злобное и, как мы теперь говорим, неkontakтное животное.

Как все это легко понять умозрительно! И как бесконечно трудно на практике соблюсти чувство меры, найти золотую середину. Тем более когда перед тобой несмышлёный, обаятельный и трогательный во всех своих проявлениях косолапый кроха.

Росли они не по дням, а по часам. Мы переехали работать в Тюмень, прошло всего два месяца пребывания львят у нас, а выросли они почти в полтора раза.

Здесь мы уже сделали львям три тумбочки, и я стала давать им подкормку только тогда, когда они прыгивали на них. Через несколько дней они уже сами, завидев меня с миской, бежали каждый к своей тумбочке, садились на нее и ждали, когда я стану угощать.

Дело быстро пошло на лад. Вскоре за кусочком мяса мои малыши переходили с тумбы на тумбу, ходили по доске, приучаясь балансировать, ложились у моих ног.

Они радовали меня своими успехами. Львята уже ловко прыгали с тумбы на тумбу, уверенно ходили по буму, прыгали в кольцо, выполняли и ряд других заданий. Но это было лишь самое начало задуманного аттракциона.

Как же был замысел в полном виде? Он состоял из трех частей. Первая часть — моя сольная работа со львами. Затем мотогонки со львами по наклонному треку. Здесь уже солирует Буслаев.

Мотогонки со львами мыслились так: Буслаев мчится на мотоцикле по наклонному треку в клетке, а впереди,

перегоняя или убегая от него, несутся Цезарь и Кай. Затем Юлий садится сзади Буслаева на багажник, и они вдвоем на мотоцикле совершают круг за кругом по треку.

Прежде всего предстояло приучить львят к мотоциклам и к выстрелам выхлопных газов. Тогда мы поставили мотоциклы на манеже в круглой клетке и стали заводить их во время репетиций, добиваясь того, чтобы львята оставались на местах, не сходили со своих тумб, не нервничали. Это оказалось непростым делом.

Но главные трудности были, конечно, впереди. Предстояло Юлию сделать мотогонщиком. И тут выросла целая гора препятствий, проблем. Обычно львы остерегаются движущихся, колеблющихся предметов. Прежде чем сесть, лапой пробуют, надежно ли то, на чем они собираются разместиться. А Юлию нужно было сесть на мотоцикл, едущий с невероятным, усиленным купольным резонансом треском, да еще и содрогаящийся при работе двигателя.

Достаточно представить себе громко тарахтящий и заметно даже на глаз подрагивающий мотоцикл, чтобы понять, как трудно было молодому льву сесть на это странное и довольно страшное, дурно, на львиный вкус, пахнущее существо. К тому же нужно было льву научиться держать равновесие на нем, чувствовать его. Ведь ездить на мотоцикле приходилось не по ровному месту, а на наклонном треке.

С чего же мы начали? Как всегда, с простого — приучили Юлию, доброго, послушного льва, сидеть на мотоцикле, как на обыкновенной тумбе. Ведь он уже привык к его виду. Для этого клали на багажник кусочек мяса и подзывали Юлию. Долгое время, несмотря на, так сказать, визуальное знакомство с мотоциклом, он не решался подойти. Вытягивал шею и нюхал — вкусный запах мяса мешался с запахами бензина, железа, кожи и резины. Наконец однажды, оглядываясь, готовый каждую минуту отпрянуть, совсем не по-львиному он стянул с багажника мясо, уволок его подальше от мотоцикла и съел. Так продолжалось несколько дней.

Когда Юлий уже освоил багажник и сидел на нем безбоязненно, Буслаев поместился впереди него на сиденье, а я, ласково разговаривая со львом, стала угощать его мясом. Лев был спокоен. Тогда мы решили сделать следующий шаг. «Начнем?» — тихо спросил Буслаев. «Пожалуй!» — ответила я, давая Юлию еще кусочек. Буслаев, перебирая по полу ногами, стал было слегка двигать вперед мотоцикл. Испуганный Юлий тотчас соскочил с него.

Много дней и много терпения потребовал этот простенький трюк. А когда получился, нужно было заставить льва сидеть на багажнике при работающем двигателе.

Улучив минуту, когда Юлий был спокоен, сидел на багажнике, внимая моему ласковому голосу — а голос в дрессировке, хочу сразу же сказать, играет большую роль, — Буслаев нажал стартер. Мотор взревел, насмерть перепуганный лев подпрыгнул, перелетел через голову Буслаева, едва не оскальпи-

ровав ее, и стал метаться по манежу. Мы его насылу успокоили.

И тут выяснилось, что вместе с отчаянным прыжком все наработанное с таким трудом, все рефлексы были стерты, будто мел с доски. Словно забыл он все. И опять пришлось начинать с нуля. А когда восстановили то, что он умел, Юлий, решивший однажды попробовать на зубок покрывку колеса, прокурил ее. С шипящим свистом вырвавшийся воздух заставил перепуганного льва отлететь к решетке. Такого он еще не ведал за мотоциклом!

И опять он забыл все, чему его научили.

Но все-таки настал день, когда Юлий, сидя сзади Буслаева на багажнике и положив голову ему на плечо, помчался по треку. Это была победа.

А через несколько дней, едучи таким образом, Юлий, вдруг взревев на весь цирк, стал молотить передними лапами по мотоциклу. Мотор заглох, лев с мотоциклом оказался в одной стороне, Буслаев — в другой. Юлий продолжал реветь, выворачивая голову через спину: во время езды хвост попал в спицы заднего колеса! Обошлось благополучно, хвост, хоть и помятый, остался цел.

И снова все надо было начинать сначала, с самого первого шага.

Профессия испытывала нас на прочность.

Нападение

Встреча со львами у меня всегда начинается с разговора с ними. Вот и в тот раз, возвратясь после долгой разлуки с моими питомцами (уже шла Великая Отечественная), я увидела: они гуляют в вольере — и, не выдержав, подали голос. Услышав его, львы остановились и насторожились. Но когда я подошла к решетке, стали тереться об нее, ласкаясь ко мне. Я зашла в вольер, огладила их, как обычно. На клетке лежали расческа и гребень, и я принялась по привычке наводить моим питомцам туалет. Самый нервный и строптивый Кай был взволнован более остальных и пару раз огрызнулся. Но я подумала, что это вызвано тем, что мы давно не виделись, и не обратила особого внимания на его поведение.

Видимо, на манеже все уже было готово к репетиции, так как uniformисты стали подкатывать перевозную клетку для львов. Занятая с Цезарем, я услышала сзади себя рык и, внезапно получив удар лапами в спину, была свалена с ног. Это прыгнул на меня Юлий. А Кай, как только я упала, вцепился мне в ноги и вонзил когти. Юлий тоже пытался через мешавшего теперь ему Кая добраться до меня. Собрав все силы и волю, я закричала на своих питомцев. Они, словно опомнившись, на мгновение отпрянули. Я успела вскопичить на ноги. Но паника, начавшаяся за вольером, еще больше возбудила львов. Они вновь начали наступление.

Положение мое было безвыходным. Дверь из вольера находилась за спинами нападавших хищников. А комбинезон от полученных ран уже намочил кровью. Понимая, что любая атака, следующая одна за другой, может стать последней, я отчаянно отбивалась от все более разъяряющихся зверей.

Не знаю, насколько хватило бы меня. Но тут, наконец, я увидела бледное лицо помощника Павла Игнатову. С трезубцем в руке он ворвался в вольер. Львы развернулись на него. Воспользовавшись их замешательством, я присоединилась к Игнатову, и мы, отбиваясь от наседавших на нас хищников, выбрались из клетки.

Все описанное произошло в считанные минуты, показавшиеся мне вечностью. И когда я оказалась уже за вольером, вне опасности, силы покинули меня, ноги подкосились, я упала на руки стоявших возле людей. А через полчаса уже лежала на операционном столе в клинике Склифосовского. Мне наложили сорок восемь швов, пострадали в основном ноги.

Почему так повели себя мои воспитанники? Ведь я, кажется, не дала им ни малейшего повода к подобной агрессии? А может быть, все-таки сделала что-то такое, что привело их в ярость? Но что? Сколько ни перебирала я в памяти свое поведение с момента, как вошла ко львам в вольер, не могла найти причины вспышки их гнева. Тем более что ни разу они, даже в тех случаях, когда я заставляла их делать нежелательную им работу, не проявляли ко мне подобной злобы.

В этом эпизоде была еще одна загадка, и согревавшая мое сердце, и вызывавшая восхищенное недоумение. Дело в том, что напали на меня только Кай и Юлий. А Цезарь, не вступая в драку, бегал в отдалении и страшно волновался.

Лев — стадное животное. Стоит начать драку одному, как в нее обязательно вступают все остальные. Это один из сильнейших инстинктов, и этим прежде всего опасна работа со львами. А Цезарь, самый сильный и самый смелый, отважный Цезарь в драку не вступил! Что это — преданность мне, победа над инстинктом — моя или его собственная, этого удивительного льва? А ведь Кай и Юлий, я это твердо знала, тоже меня любили. Так в чем же дело?

Причину львиного бунта я узнала в тот же злополучный день.

В наше отсутствие происходило следующее. Когда объявляли воздушные тревоги, по предписанию пожарной охраны львов всякий раз эвакуировали во двор. Это делалось так: подвозили пересадную клетку, и uniformисты с шумом и криками длинными металлическими острыми вилками и палками, тыкая ими и ударяя куда ни попадя, перегоняли животных в нее. И вскоре один только вид пересадной клетки приводил львов в волнение... Вот почему, когда uniformисты подкатили пересадную клетку, львы мгновенно взволновались, и я стала жертвой их возбуждения.